Теперь, за давностью лет, я уже не помню ни фамилии, ни имени того не по возрасту серьёзного светлоглазого курсанта, старшину взвода гидротехников, обычно сидевшего за первой партой у окна.

На второй или третий день с начала учёбы парнишка с первой парты задал мне непривычный вопрос:

— Скажите, а почему в училище не учительская, а преподавательская?

— Потому что здесь не учителя, а преподаватели.

— А в чём отличие учителя от преподавателя? — старшина пытался добраться до истины.

— Я думаю, что недели через две вы и сами поймёте разницу, а если нет, то вернёмся к нашему разговору снова.

Курсант пожал плечами, очевидно, сомневаясь в своих способностях, но я подбодрила его:

— Поймёте, поймёте.

Он подошёл на следующий день:

— Я знаю, в чём отличие.

— И в чём же? — мне стало любопытно.

— Преподаватели никогда не кричат на учеников.

— А учителя разве кричат?

— Со мной случалось,— нехотя признался он.

— Наверное, учились плохо? — предположила я.

— Вроде старался,— парень вздохнул, потом пояснил: — Так вышло, что в первом классе, в самом начале учёбы, проболел долго, а когда пришёл на уроки, что-то не так выполнил. Я же не знал, как правильно, из-за пропусков. Учительница меня на смех

подняла, весь класс ржал. Я, клопик совсем, в слёзы,— сейчас, вспоминая о той неприятной минуте, он говорил с улыбкой.— Ну, она про меня — типа плакса, нюня. В общем, определила в троечники. Как ни пытался попасть в хорошисты — бесполезно.

— А в училище?

— Нормально. Никогда не думал, что так просто могут объяснять математику или физику. Раньше мне они трудно давались, а сейчас легко. И вот вы мне роль читать доверили, когда «Грозу» изучали. В школе и близко бы не подпустили. Про старшинство вообще не говорю.

— Вы, кстати, отлично читали. А как вам ваш герой, Борис?

— Борис? Слабак он. Образованный же. Зачем Дико́го терпеть, не знаю. Я бы на его месте нашёл другого хозяина.

— Но он же из-за сестры вроде,— напомнила я.

— Сестра сестрой, но, впрочем, в наше время тоже Дики́х хватает.

— Значит, учителя кричат, а преподаватели — нет,— подвела я итог.— И только?

— Нет, конечно,— не согласился он.— Главное, что преподаватели готовят нас к конкретной специальности. Правильно?

— Правильно. Фактически вы их будущие коллеги. Речники, одним словом.

При слове «речники» парнишка просиял:

— Начальник специальности Анатолий Матвеевич то же самое говорит.

***

Несмотря на то, что голос у парня тянул на командирский с большой натяжкой, ребята охотно выполняли его распоряжения. Чувствовалось, что он имеет у них авторитет.

Вскоре мне довелось услышать разговор классных руководителей первого курса — преподавателя экономики Татьяны Георгиевны, немолодой, но только пришедшей в училище, и опытного педагога, физика Виктора Ивановича.

— Неплохой набор в этом году,— отметил физик.— В вашем взводе контрольную провёл, двоек нет.

— Да, ребята толковые,— оторвал глаза от расписания Виталий Александрович, заведующий учебной частью.— Старшина у вас, Татьяна Георгиевна, славный парнишка. Аккуратный, добросовестный. Он городской?

— Школу городскую окончил, но живёт в посёлке речников Жатае.

— Так это совсем рядом. Славный парнишка,— повторил Виталий Александрович, обычно скупой на похвалу.— Кстати, его отец у нас учился, я его выпускал.

— Да? — удивилась преподавательница.

— Дом его поблизости находился,— продолжил заведующий учебной частью, сняв очки и явно радуясь возможности сделать передышку в бумажной работе и вернуться хотя бы мысленно в те годы, когда он только-только начинал преподавать курсантам литературу.

Теперь его место заняла я, а он составлял расписание, вёл учёт выданных часов и по-отечески поддерживал нас, молодых, выбравших непростую педагогическую стезю.

— Щупленький был, маленький, но вредный,— рассказывал, как и всегда, увлечённо и образно Виталий Александрович.— То, случалось, преподавателям нагрубит, то командиру роты, то в наряд не заступит, то в самоволку сбежит. Намучился я с ним первых два курса. Родителей его чуть ли не каждую неделю сюда вызывали. А как в навигацию герой мой сходил, словно подменили. И подрос, и дурить бросил. Нынче, говорят, помощник капитана.

— Значит, он судоводитель? — задумался Виктор Иванович.— То-то я его смутно помню.

— Такой важный ходил, в грудь себя пяткой бил, что судоводитель, а не путеец. Его одноклассники на гидротехническом учились, так этот им выговаривал: «Лучше иметь дочь судоходную, чем сына гидрата».

— А они и до сих пор так говорят и на партах пишут,— не удержалась я.

— Почему? — выразила недоумение Татьяна Георгиевна.— Разве плохая специальность?

— Путейцы,— поспешил объяснить коллеге физик,— можно сказать, обеспечивают транзитным судам «зелёную улицу». И ось судового хода обозначают, и лоцманские карты составляют, и труднопроходимые участки углубляют. Кстати, на берегу могут по профилю строительных работ трудиться. Просто к здоровью судоводителей требования жёстче. Зрение нужно стопроцентное, и профессия судоводителя на слуху.

Действительно, несмотря на то, что тогда почти все начальники районных водных путей были нашими выпускниками, глупый, непонятно откуда взявшийся предрассудок, похоже, не собирался исчезать. Более того, пословицу «Курица — не птица, женщина — не человек», которую я имела неосторожность произнести на занятиях по драме Александра Николаевича

Островского «Гроза», остряки сразу переделали, и вскоре мне попалась надпись: «Курица — не птица, гидрат — не человек».

— Ну что за невежа пакостничает! — возмущалась я, надеясь найти автора послания и объяснить ему, что не прав.

Вот и отец парнишки, когда-то воинственно настроенный против путейцев, изменил мнение.

Но я ошиблась.

***

В конце ноября в училище появился вернувшийся из навигации помощник капитана. Усатый, грузный, в лёгкой кожаной куртке, без шапки в сорокаградусный мороз (очевидно, приехал на собственной машине), он возник в дверном проёме преподавательской.

— Приветствую, Виталий Александрович! — шагнул он к заведующему учебной частью.

Тот поднялся навстречу, выйдя из-за стола, протянул руку:

— Рад видеть! Присаживайся. Решил про сына узнать?

— Конечно. По моим стопам пошёл,— произнёс он гордо, осматриваясь по сторонам.— Почти ничего здесь не поменялось. Даже вы, Виталий Александрович, тот же. Старость вас не берёт.

— Некогда нам стареть! — отреагировал педагог, польщённый комплиментом.— А сын твой славный парнишка, старшина взвода ВП-11.

— Водные пути? — засомневался мужчина.— Вы шутите?

— Нет. Гидротехническое отделение. А что?

— Не может быть! — помощник капитана соскочил с места.— Да лучше иметь дочь судоходную, чем сына гидрата! Где начальник отделения? Сейчас же отчисляемся!

Он пулей вылетел в коридор.

— Постой, постой же,— напрасно попытался остановить его Виталий Александрович.— Самодур! — заведующий учебной частью устало опустился в кресло.— Что с ним сделаешь? — обратился он ко мне, свидетельнице скандала.

— Может быть, Анатолий Михайлович сможет переубедить его?

— Бесполезно. Никто ему не указ,— Виталий Александрович прижал руку к груди.— Больше тридцати лет тут работаю, но впервые такое вижу. Бывало, ребята, которых медкомиссия на судоводительское забраковывала, забирали документы, как их ни уговаривали перейти на гидротехническое, не соглашались, но чтобы так, когда парнишка сознательно сделал выбор... Не понимаю. Пацаны есть пацаны, вчерашние школьники,

подсмеиваются друг над дружкой, но это же взрослый мужчина, помощник капитана, отец.

***

На другой день я столкнулась с ними на плацу. Со стороны второго учебного корпуса, где находился кабинет начальника специальности, бодро шагал глава семейства, за ним неторопливо жена с сыном. Бывший старшина, уже не в курсантской шинели, а в гражданской одежде, в которой смотрелся старше, что-то говорил матери, невысокой миловидной женщине с грустным лицом. Паренёк, по-видимому, стараясь её успокоить, пытался шутить, но глаза его были печальны. Поравнявшись со мной, он кивнул:

— Это, мама, наша преподаватель литературы!

Я остановилась и смотрела им вслед. Перед выходом за ворота он обернулся назад и махнул мне рукой: мол, не поминайте лихом. Трудно ему было сделать шаг навстречу другой жизни, жизни, в которой, возможно, его мечта трудиться на реке никогда не станет реальностью.

В тот день я возвращалась домой в подавленном состоянии. Мне казалось, что я самый никчёмный педагог на свете, потому что не знала, как бороться с подобными предрассудками.

Одно утешало меня — что парнишка за время пребывания в училище заметно повзрослел. Он уже не робкий и тревожный вчерашний девятиклассник, а самостоятельный, уверенный в собственных силах и способностях юноша, сын, готовый подставить матери своё плечо.

***

За давностью лет я не помню ни фамилии, ни имени того не по возрасту серьёзного светлоглазого курсанта, старшины взвода ВП-11, обычно сидевшего за первой партой у окна. Знаю точно, что он не свернул с намеченного пути. Позже ребята сообщили: их бывший однокурсник, окончив школу, стал студентом гидротехнического факультета Новосибирской государственной академии водного транспорта.

Многое изменилось с тех пор: старый учебный корпус по причине обрушения снесли, а на его месте возвели современное здание, украшенное алыми парусами.

Алые паруса — символ романтики, а романтикам, как известно, свойственны высокие чувства, а не глупые предрассудки, тем более по отношению к такой важной специальности, как гидротехник.